

14. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.14)

УДК 34.342.924

14.1. ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ

©Шмалий Оксана Васильевна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой административного и информационного права

Место работы: ФГОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Москва, Россия

shok93@yandex.ru I

©Душакова Леся Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой административного и служебного права

Место работы: Южно-Российский институт управления – филиал ФГОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Ростов-на-Дону, Россия

vlad_dushkov@mail.ru

Аннотация: настоящая статья посвящена вопросам правового обеспечения применения цифровых технологий в государственном управлении как условия создания эффективной управленческой парадигмы и учета ценностно-ориентированного подхода к организации жизни общества. Анализируется текущее состояние и перспективы развития правового сопровождения информационного обеспечения функционирования органов государственного управления, технологий производства ими информации и структурирования информационного пространства для удовлетворения потребностей, возникающих в результате социально-экономической деятельности граждан и организаций.

Ключевые слова: государственное управление, цифровые технологии, цифровая экономика, цифровизация, информация.

Эффективное развитие социально-экономических систем в условиях цифровизации вызывает объективную необходимость модернизации государственного управления в рамках вектора целесообразного использования ресурсов и потенциала, что актуализирует проблематику формирования правового обеспечения применения цифровых технологий в государственном управлении, способного создать эффективную управленческую парадигму с учетом ценностно-ориентированного подхода к организации жизни общества.

Российская цифровая повестка содержит стратегический потенциал в части обеспечения ускоренного внедрения цифровых технологий в социально-экономическую сферу посредством проектного управления и комплексной модернизации магистральной инфраструктуры, что должно позволить увеличить качественные и количественные показатели цифровизации в контексте макроэкономических параметров социально-экономического развития. [1]

Одним из базовых элементов цифровизации выступают цифровые технологии, применяемые в сфере государственного управления: технологии информационного обеспечения функционирования органов государственного управления, производства ими информации и структурирования информационного пространства для удовлетворения потребностей, возникающих в результате социально-экономической деятельности граждан и организаций.

На сегодняшний день применение цифровых технологий в государственном управлении в целом получило правовое опосредование на программно-ценностном уровне [2] и на уровне текущей правовой регламентации. [3] При этом реализация национальных интересов в области цифровизации предполагает соответствие динамики развития законодательства, как в

части праворегулирования, так и в части правоохраны, включая устранение административных барьеров, и динамики развития самих информационных технологий.

Программно-ценностная регламентация формируется, главным образом, в рамках стратегий, доктрин и концепций, конструирующих систему официальных взглядов и установок на вопросы развития информационного общества, информационной безопасности, оборота информации, организации функционирования и сбережения информационных ресурсов, межведомственного информационно-телекоммуникационного взаимодействия и проч. В программно-ценностной парадигме установлено целеполагание цифровой экономики, основы правового регулирования Big Data, расширенного реестра (блокчейна), искусственного интеллекта, дополненной реальности, робототехники.

Регуляторная парадигма цифровизации задана Национальным проектом «Цифровая экономика» [4] в целом, в рамках которого сформулирован Федеральный проект «Нормативное регулирование цифровой среды», направленный на создание гибкой системы правового регулирования цифровой экономики в части формирования электронного документооборота, внедрения инноваций на финансовых рынках, использования цифровых технологий в судопроизводстве и нотариальной практике. Проектирование нормативной основы цифровизации включает решение вопросов идентификации (в т.ч. использование «облачной» цифровой подписи), электронного документооборота, сбора, хранения и обработки данных, инновационного развития финансовых рынков, спецификации налогообложения, цифровизации судопроизводства и трудовых отношений, регламентации киберфизических систем, «регуляторных песочниц» и проч.

Основой проектирования нормативной основы цифровизации является стратегическое планирование и прогнозирование рисков, включая определение новых вызовов и угроз в области цифровых технологий и информационных объектов. В то же время на сегодняшний день законодатель не сформулировал требования к содержанию стратегического планирования с позиции его целеполагания, что обуславливает потенциальную подвижность стратегических планов, нивелирует их стратегический характер, наполняя тактическим содержанием. Система документов стратегического планирования в области цифровых технологий имеет отдельные дефекты. В частности, отдельные акты стратегического планирования не утверждены нормативными правовыми актами (Концепция государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации). Ряд их них, имеющих равное значение для развития предметных областей цифровизации, утвержден либо актами Президента Российской Федерации, либо Правительства Российской Федерации. Правительство Российской Федерации, утверждая программный акт, включает в него положения организационного характера. Также обращает на себя внимание «размытость» юридического содержания понятия актов стратегического планирования (дифференцирующие признаки концепции, стратегии и доктрины), что актуально также относительно формы их утверждения. В результате можно говорить об определенном рода бессистемности издания программных актов, которая обусловлена отсутствием правовой определенности в части их иерархии, структуры и содержания. В то же время очевидно, что наращивание регулирующего воздействия такого рода актов требует методологической проработки принципов их подготовки, структуры, содержания, процедур разработки и утверждения, а также оценки фактической реализации.

Принципиальным является вопрос гармонизации программно-ценностного и текущего регулирования как условия возможной эффективной и адекватной систематизации законодательства, регламентирующего правовые отношения в условиях цифровизации. В рамках такой систематизации следует говорить о формировании двух нормативных комплексов: законодательство о цифровой экономике и цифровых технологиях и законодательство о явлениях и процессах с информационной составляющей или использованием киберпространства. Уникальность модели такой систематизации будет проявляться в уникальности объектов регулирования и открытости правового пространства, что обусловлено динамикой и логикой развития элементов и направлений цифровизации. Соответственно, правовое обеспечение цифровой повестки в сфере государственного управления будет зависеть от последовательности и синхронности цифровых новаций и приоритетов, требующих формирования собственной нормативно-регулятивной системы, определяющей новое социально-экономическое устройство и, как следствие, новую правовую реальность, в основу которой во многом будет положено сценарное регулирование и которая должна соответствовать параметрам реактивности и адаптивности правового нормирования.

Имеющийся на сегодняшний день государственный информационный ресурс не всегда обеспечивает необходимую идентификацию реальной социально-экономической ситуации, что сказывается на эффективности принимаемых государственных решений. Ряд правовых вопросов режимов доступа к государственному информационному ресурсу, дифференци-

ции ответственности, соотношения горизонтальной и вертикальной информационной интеграции остаются открытыми.

Пробелы в текущем правовом регулировании имеют место в части опосредования конструкции цифровой экономики, безопасности критической информационной инфраструктуры, идентификации прав человека в информационной сфере, информационно-правового обеспечения электронного взаимодействия, развития государственных информационных систем, формирования системы информационной безопасности, электронного правосудия, облачных и туманных технологий и проч. [5] В частности, на законодательном уровне отсутствует легальная дефиниция таких базовых терминов цифровой экономики, как «электронное взаимодействие» и «информационная инфраструктура электронного взаимодействия». По всей видимости, эти термины должны быть определены Федеральным законом об информации, информационных технологиях и защите информации, хотя они и представлены в постановлении Правительства РФ от 8 сентября 2010 г. № 697 «О единой системе межведомственного электронного взаимодействия» [6], но оно имеет свою целевую спецификацию. Унифицированной системы источников электронного взаимодействия (деятельности) до настоящего момента не создано; можно говорить только о тактическом регулировании. Хотя определенный комплекс правовых норм можно объединить в рамках правовой модели «электронного правительства», но системности в построении источников этой модели наблюдать весьма проблематично.

При этом модель «электронного правительства» уже замещается моделью «цифрового правительства», в рамках которой органы публичной власти и управления являются акторами цифровой инфраструктуры наряду с гражданами и организациями, образуя в совокупности сетевой контент государственного управления. «Цифровое правительство» формируется глобально в целях создания общественного продукта, что обуславливает его непосредственное включение в цифровую экономику посредством формирования цифровой стратегии, цифровой интероперабельности и цифровой культуры, обеспечивая, тем самым, цифровую экосистему, ориентацию на цифровые услуги, государственную поддержку образования и развития информационных и цифровых компетенций. Тем самым обеспечивается управление рисками цифровой безопасности, продвижение цифровых инноваций, формирование соответствующей нормативно-регулятивной системы.

Наметились тенденции активного включения технологий блокчейна и смарт-контракта в государственное управление, которые актуальны в рамках возможности алгоритмизации юридической техники, а также в отношениях по поводу бухгалтерского учета, налогового и валютного контроля и других. Безусловно, применение этих технологий вызывает ряд вопросов. В частности, Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» содержит понятие и признаки электронного документа. Применительно к сведениям о транзакциях, содержащимся в блоках базы данных блокчейна, основной вопрос заключается в наличии признака документированной информации. Основываясь на положениях Федерального закона от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи», решение вопроса о допустимости квалификации информации, содержащейся в базе данных блокчейна, в качестве электронного документа находится в прямой зависимости от наличия соглашения об электронном взаимодействии между участни-

ками блокчейн-проекта, которое легитимизирует усиленную неквалифицированную подпись, а вместе с ней и статус записи как электронного документа. Кроме того, обмен сведениями, содержащимися в базах данных блокчейна, в том числе в автоматизированном алгоритмами блокчейна порядке, может рассматриваться как обмен документами, что соответствует смыслу Закона об информации и ГК РФ. Следовательно, действующее законодательство позволяет обеспечить информацию, содержащуюся в блокчейне, юридической значимостью без его редакции. Однако это касается лишь частных блокчейнов с возможностью предварительного заключения соглашения об электронном взаимодействии в соответствии с требованиями Закона об электронной подписи. Но для ряда правовых отношений электронный документ должен обладать определенными дополнительными реквизитами, чтобы порождать соответствующие правовые последствия.

Процессуальное законодательство на сегодняшний день рассматривает электронные документы в статусе допустимых письменных доказательств, при условии возможности установить достоверность документа [7]. Однако установление достоверности сведений, содержащихся в блокчейне, достаточно проблематично. Соответственно, отсутствие установленных или санкционированных государством стандартов блокчейна препятствует или, как минимум, затрудняет апеллирование к соответствующим сведениям в производстве по делу, тем более, что протоколы блокчейна обеспечивают аутентичность данных, но не гарантируют их точность или достоверность. Большое значение имеет субъективный фактор, в том числе в части допущения критичной ошибки, что предполагает использование дополнительных механизмов верификации данных и увеличение транзакционных издержек. Проблемой является также форма предоставления соответствующих сведений, поскольку уяснение содержания информации, содержащейся в блокчейне, требует специальных технических познаний, что также увеличивает объем издержек.

Реальностью развития цифровых технологий является миграция электронной подписи в «облачные» сервисы. Планируется, что до конца июля 2019 г. будет обеспечено нормативное регулирование удаленной биометрической идентификации и облачной подписи, что обеспечит универсализацию идентификации физических лиц и использования документов в электронной форме. В то же время расширение киберпространства электронной подписи вызывает целый комплекс вопросов, поскольку, с одной стороны, создается качественно новый уровень удобства для пользователей, а с другой – это реальные проблемы обеспечения безопасности ключей, хранящихся «в облаке», и что более существенно, это обеспечение защищенного доступа к этим ключам. Именно проблема гарантированной аутентификации является пока наиболее существенной.

Использование технологии блокчейна также вызывает определенные проблемы обеспечения режима информации ограниченного доступа, в том числе, информации о персональных данных, оборот которой регламентируется Федеральным законом от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных». В отечественной судебной практике к персональным данным относят, помимо прочего, деперсонализированный идентификатор абонента, в том числе в случаях, если он формировался с использованием хэш-функции [8]. Соответственно, не исключена возможность квалификации сведений, содержащихся в

блокчейне, как персональных данных с вытекающими из этого факта обязанностями оператора персональных данных.

Специфической задачей в сфере государственного управления является формирование правового контента киберфизических систем, включая системы искусственного интеллекта. Еще в 2016 г. была опубликована концепция первого в России законопроекта о робототехнике [9]. Данный документ поднял целый ряд важных проблем, в том числе один из ключевых вопросов о допустимости специальной ограниченной правосубъектности роботов-агентов [10].

Формирование правового контента киберфизических систем предполагает, прежде всего, глубокое доктринальное осмысление данного явления. Но уже на сегодняшний день очевиден ряд проблем его правового опосредования. Прежде всего, проблема разработки понятийного аппарата. Принцип правовой определенности предполагает, в том числе, терминологическую ясность и однозначность. В то же время в отношении киберфизических систем этого не наблюдается даже в профессиональной среде, включая вопрос разграничения технологий робототехники и искусственного интеллекта, что принципиально для формирования соответствующего режима правового регулирования. Нет определенности даже в части понятия киберфизических систем, хотя разработан ГОСТ Р ИСО 8373-2014 «Роботы и робототехнические устройства. Термины и определения».

Отдельной проблемой является уровень доктринальных разработок, предлагающих достоверную оценку уровня и масштаба развития соответствующих общественных отношений. Есть риск существенного «правового опоздания» и, как следствие, неизбежного резкого проникновения отдельных киберфизических систем в национальные и наднациональные юрисдикции без определенного нормотворческого и правоприменительного инструментария реагирования. Сложность доктринальной конструкции обусловлена также глубоким междисциплинарным характером проблемы и интерпретации риск-рефлексии, включая экзистенциальные риски искусственного интеллекта, учитывая геополитические, философские, религиозные, психологические, гуманитарные факторы, поскольку высокие технологии ставят перед людьми глобальную задачу – поиск модели безопасного существования в мире с новым технологическим укладом, который может повлечь за собой серьезные экономические, политические и социокультурные изменения в обществе, включая проблемы безопасности, безработицы, «инфляции» частной жизни, трансформации общечеловеческих ценностей, национальных традиций и общепринятых правил человеческого общежития.

Можно также констатировать проблемы, которые, вероятно, возникнут в сфере правоохраны. Вопрос конструкции государственного принуждения, включая вопросы ответственности и распределения ее бремени, пока остается не ясным. Кроме того, не исключены принципиальные изменения в системе мер государственного принуждения, учитывая, в том числе, тот факт, что совершенствование программно-технического функционала способно привести к способности робота к самостоятельному целеполаганию. Эта проблематика неразрывно связана с обеспечением информационной безопасности и использования персональных данных.

Основная принципиальная сложность правового опосредования киберфизических систем, тем не менее, связана с определением базового регуляторного подхода. Специалисты фиксируют четыре уровня внутригосударственного регуляторного

воздействия, а также наднационального регулирования. [11] Первый уровень связан с формированием стратегии государственного регулирования в рамках проектирования развития соответствующих технологий. В Российской Федерации это направление отчасти формируется в рамках Федерального проекта «Цифровые технологии» проекта «Цифровая экономика», в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 г.г., в Стратегии национальной безопасности. В системе проектирования цифровой экономики киберфизические системы транслируются как основные сквозные цифровые технологии и формируется база для создания государственно-частных партнерств и развития специальных программ поддержки развития робототехники и искусственного интеллекта. Однако отдельного внимания этим вопросам программа, к сожалению, не уделяет, хотя в Плане мероприятий по направлению «Формирование исследовательских компетенций и технологических заделов» упоминается Дорожная карта развития субтехнологии «Промышленная робототехника» [12]. Но указанные документы не снимают актуальности создания государственной концепции развития робототехники и систем искусственного интеллекта. Второй уровень предполагает формирование текущего законодательства о киберфизических системах в рамках трех основных подходов: инвестиционного, «догоняющего» и «предвосхищающего» [13]. Российский регулятор пока идет по пути адаптации национальной правовой системы к новым информационным реалиям. Третий уровень связан с пакетными адресными изменениями действующего законодательства. Четвертый уровень предполагает аналогичную ситуацию в отношении подзаконного регулирования.

Правовое обеспечение применения цифровых технологий можно рассматривать исключительно в призма его включенности в современные процессы и тенденции трансформации правовой системы в целом. Информационный прогресс придал новый импульс формированию качественно иной архитектуры правовой системы с учетом вновь формирующейся модели реализации общепризнанных прав и свобод в информационной среде, что влечет трансформацию правовых отношений широкого круга отраслевой принадлежности. При этом законодатель по инерции пытается урегулировать социально-экономические и технологические новации посредством точечной редактурой уже действующих нормативно-правовых актов, а равно распространения сложившихся правовых конструкций на новые явления. В то же время возможен иной путь, предполагающий принятие комплексных нормативных правовых актов, способных системно регулировать процессы цифровизации, одновременно редактируя те акты законодательства, которые регламентируют отношения, трансформирующиеся в эпоху цифрового социально-экономического развития.

Одним из направлений развития правовой системы в условиях цифровизации рассматривается кодификация соответствующих правовых норм, о необходимости которой заявляют многие специалисты [14]. Высказываются идеи о создании Информационного кодекса, Цифрового кодекса, Информационно-коммуникационного кодекса, что обусловлено, по мнению Т.А. Поляковой [15], приоритетами цифровизации.

По всей видимости, кодификация может состояться, учитывая ее безусловную актуальность в рамках не только потребности систематизации законодательства в цифровой сфере, но и в рамках необходимости реализации Стратегии научно-

технологического развития Российской Федерации [16], что обеспечит фундаментальную системную основу развития правового регулирования информационных технологий, информационной среды и информационной безопасности. С другой стороны, создание кодекса не является исключительно верным и единственным решением вопроса, поскольку, как минимум, не исключает тактической редактурой нормативного массива и формирования активного бланкетного регулирования сопутствующими нормативными актами, количество которых на сегодняшний день предсказать невозможно в силу специфики области правового регулирования, а кодифицированный акт не в состоянии соединить в одном тексте весь объем нормативной информации. Возможно, имеет смысл говорить о новой в концептуальном отношении редакции уже существующего Закона об информации, информационных технологиях и защите информации с активными бланкетными включениями, обеспечивающими выход на отдельную регламентацию технологий, сервисов и проч.

Как представляется, цифровая экономика не вполне укладывается в традиционную архитектуру правовой системы [17], основанную на установленных или санкционированных государством источниках, организованную и функционирующую локально в границах национальных суверенных территориальных образований. Механизмы наднациональной правовой унификации, которые активно воспринимаются национальными правовыми системами, снижают уровень дифференциации национальных правопорядков и изменяют территориальные масштабы их функционирования, но, в то же время, не делают их тождественными в глобальном контексте. С другой стороны, право традиционно не способно своевременно опосредовать весь объем возникающих правовых отношений, в том числе в рамках международной унификации. Опережающее правотворчество в этой сфере вряд ли возможно. В результате появляются альтернативные регуляторы, которые продуцируют транснациональное, нелокализованное право. Иными словами, имеет место вектор формирования новых «гибридных нормативных режимов» или «гибридных правовых пространств» и проблему «управления гибридностью», обусловленную ее мобильностью, гибкостью и адаптивностью [18]. В условиях, когда современное общество впадает в колоссальную зависимость от цифровых ресурсов и технологий для связи, хранения, распространения и получения информации, проблемы в правовом регулировании множатся, так как право не способно быстро продуцировать надлежащий нормативный материал [19]. Соответственно, на современном этапе, возможно, большее значение имеет не создание национального кодифицированного акта, опосредующего цифровые технологии и сопутствующие явления и отношения, а поиск и построение универсальной наднациональной регуляторной модели киберпространства. Кроме того, как представляется, все правовые новации в этой сфере будут иметь исключительно тактическое содержание, несмотря на затраченные финансовые и организационные ресурсы, без доктринального переосмысления контента правового регулирования в целом, поскольку совершенно очевидна смена парадигмы целого ряда как исторически сложившихся правовых категорий (пространство, юрисдикция, система субъектов и основы их взаимодействия), так и вновь признаваемых (неправо). В рамках национальной правовой системы имеет смысл говорить о правовом обеспечении максимально благоприятных условий для инноваций и исследований, включая внедрение программ государственной

поддержки, позволяющих осуществлять адресное финансирование в сфере развития цифровых технологий, снижение налоговой нагрузки, создание зон тестирования и проч. Также можно говорить о допустимости смещения акцента формирования нормативного массива с установления на санкционирование со стороны государства.

Таким образом, эффективность применения цифровых технологий в государственном управлении должна измеряться их соответствием целеполаганию основной деятельности, учитывая усложнение процессов жизнедеятельности общества, ускорение мировых социально-экономических процессов, постоянные изменения в системе рисков и угроз. Решение этой задачи требует формирования качественного правового обеспечения применения информационных технологий в государственном управлении, гибкого и адаптивного к непрерывному технологическому развитию и расширению границ и возможностей киберпространства.

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность 80,81%.

Список литературы:

1. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (ред. от 19.07.2018) // <http://www.pravo.gov.ru>, 07.05.2018.
2. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы. Утв. Указом Президента РФ от 09.05.2017 № 203 // <http://www.pravo.gov.ru>, 10.05.2017; Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Утв. Указом Президента РФ от 05.12.2016 № 646 // <http://www.pravo.gov.ru>, 06.12.2016; Концепция государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации. Утв. Президентом РФ 12.12.2014 № К 1274 // <http://www.fsb.ru>; Концепция информационной безопасности детей. Утв. Распоряжением Правительства РФ от 02.12.2015 № 2471-р // <http://www.pravo.gov.ru>, 07.12.2015; Концепция методологии систематизации и кодирования информации, а также совершенствования и актуализации общероссийских классификаторов, реестров и информационных ресурсов. Утв. Распоряжением Правительства РФ от 10.05.2014 № 793-р (ред. от 13.10.2017) // <http://www.pravo.gov.ru>, 14.05.2014; Концепция перевода обработки и хранения государственных информационных ресурсов, не содержащих сведения, составляющие государственную тайну, в систему федеральных и региональных центров обработки данных. Утв. Распоряжением Правительства РФ от 07.10.2015 № 1995-р (ред. от 18.10.2018) // <http://www.pravo.gov.ru>, 12.10.2015; Концепция оптимизации механизмов проектирования и реализации межведомственного информационного взаимодействия, оптимизации порядка разработки и утверждения административных регламентов в целях создания системы управления изменениями. Утв. Распоряжением Правительства РФ от 20.08.2015 № 1616-р (ред. от 18.10.2018) // <http://www.pravo.gov.ru>, 28.08.2015 и другие.
3. Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (ред. от 29.07.2018) // Собрание законодательства РФ. 03.01.2011. № 1. Ст. 48; <http://www.pravo.gov.ru>, 30.07.2018; Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 19.07.2018) // Собрание законодательства РФ. 31.07.2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448; <http://www.pravo.gov.ru>, 19.07.2018; Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» (ред. от 28.12.2017) // Собрание законодательства РФ.

- 16.02.2009. № 7. Ст. 776; Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» (ред. от 28.12.2017) // Собрание законодательства РФ. 29.12.2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6217 и другие.
4. <https://futurerussia.gov.ru/cifrovaya-ekonomika>
5. Трофимов, В.В. Проблемы организации и проведения правотворческой политики в области инновационного развития России / В.В. Трофимов // Государство и право. 2017. № 3. – С. 14; Тедеев, А.А. Трансформация системы права в условиях развития информационно-коммуникационных технологий: постановка проблемы / А.А. Тедеев // Труды по интеллектуальной собственности. 2016. Т. 24. № 1. – С. 123-140; Марченко М.Н. Основные тенденции развития российского государства и права на современном этапе / М.Н. Марченко // Lex Russica. 2018. № 5 (138). – С. 19-32.
6. Постановление Правительства РФ от 08.09.2010 № 697 «О единой системе межведомственного электронного взаимодействия» (ред. от 20.11.2018) // Собрание законодательства РФ. 20.09.2010. № 38. Ст. 4823; <http://www.pravo.gov.ru>, 23.11.2018.
7. Ткачев, А.В. Сравнительный обзор процессуального законодательства, регулирующего использование электронных документов в качестве доказательств / А.В. Ткачев // Судья. 2014. № 5.
8. Савельев, А.И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву / А.И. Савельев // Закон. 2017. № 5. – С. 94-117.
9. Архипов, В.В., Наумов, В.Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России Закона о робототехнике / В.В. Архипов, В.Б. Наумов // Труды СПИИРАН. 2017. № 6. – С. 46-62.
10. Архипов, В.В., Наумов, В.Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности / В.В. Архипов, В.Б. Наумов // Закон. 2017. № 5. – С. 157-170.
11. Незнамов, А.В., Наумов, В.Б. Вопросы развития законодательства о робототехнике в России и в мире / А.В. Незнамов, В.Б. Наумов // Юридические исследования. 2017. № 8. – С. 14-25.
12. URL: <http://static.government.ru/media/files/1P5evO23war1woLA0q8aJ2DtAqsydlnS.pdf>
13. Сурагина Е.Д., Ибрагимов Р. Гуманитарный подход к регулированию искусственного интеллекта / Е.Д. Сурагина, Р. Ибрагимов // Информационное пространство: обеспечение информационной безопасности и право. Сб. науч. трудов / Под ред. Т.А. Поляковой, В.Б. Наумова, А.В. Минбалева. М.: ИГП РАН, 2018. – С. 210-232.
14. Информационное пространство: обеспечение информационной безопасности и право. Сб. науч. трудов / Под ред. Т.А. Поляковой, В.Б. Наумова, А.В. Минбалева. – М.: ИГП РАН, 2018.
15. Полякова, Т.А. Перспективы кодификации информационного законодательства / Т.А. Полякова // Информационное пространство: обеспечение информационной безопасности и право. Сб. науч. трудов / Под ред. Т.А. Поляковой, В.Б. Наумова, А.В. Минбалева. – М.: ИГП РАН, 2018. – С. 15-23.
16. Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // <http://www.pravo.gov.ru>, 01.12.2016.
17. Вайпан, В.А. Основы правового регулирования цифровой экономики / В.А. Вайпан // Право и экономика. 2017. № 11. – С. 5-18.
18. Мажорина, М.В. Мировая экономика цифровых платформ: Поиск новых регуляторных моделей / М.В. Мажорина // Правовое регулирование цифровой экономики в современных условиях развития высокотехнологичного бизнеса в национальном и глобальном контексте : монография / под общ. ред. В. Н. Синюкова, М. А. Егоровой. Московский государственной юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – Москва: Проспект, 2019. – 19-34.
19. Войниканис, Е.А. Парадигмальный сдвиг в современном праве / Е.А. Войниканис // Философия политики и права: сборник научных работ. М.: Изд. Воробьев А.В., 2010. Вып. 1. – С. 138-161.

LEGAL SUPPORT OF THE APPLICATION OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN PUBLIC ADMINISTRATION

©Shmaly Oksana V., Head of the Department of Administrative and Information Law, doctor of jurisprudence, associate professor

Work place: Federal state institution of higher professional education «the Russian Academy of national economy and state service under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

shok93@yandex.ru

©Dusakova Lesya A., Head of the Department of Administrative and Service Law, candidate of jurisprudence, associate professor

Work place: South-Russian Institute – branch of Federal state institution of higher professional education «the Russian Academy of national economy and state service under the President of the Russian Federation, Rostov-on-don, Russia

vlad_dushkov@mail.ru

Annotation: this article is devoted to the issues of legal support for the use of digital technologies in public administration as a condition for creating an effective managerial paradigm and taking into account a value-oriented approach to the organization of society. The current state and prospects for the development of legal support of information support for the functioning of government bodies, on the one hand, about the technologies of their production of information and structuring the information space to meet the needs arising from the socio-economic activities of citizens and organizations, on the other, are analyzed.

Keywords: *government, digital technology, digital economy, digitalization, information.*